

Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века¹

В статье анализируются содержание и социальный смысл реформ Петра I, осуществленных в первой четверти XVIII в. и явившихся первой масштабной попыткой модернизации России. Успех петровских преобразований, помимо энергии и воли царя-реформатора, определялся институциональной мощью абсолютистского государства, способного подчинить себе и структурировать в соответствии со своими целями социальный агрегат традиционного российского общества. В этом смысле абсолютизм необходимо рассматривать как самостоятельную фазу культурно-исторического развития, характеризующуюся резко возросшей активностью государственно-политического начала в трансформации экономики и социума. В России становление абсолютизма и приобретение им всеобъемлющего характера были ускорены патримониальным типом традиционной русской государственности. В отличие от Западной Европы, где под абсолютистскую государственную надстройку уже в значительной степени была подведена капиталистическая основа, Россия в период петровских реформ демонстрировала определенную инверсию модели социальных преобразований, выразившуюся в попытке воспроизводства достижений европейского капитализма целиком на базе ресурсов традиционного общества. Это объективно закрепляло на длительную историческую перспективу гипертрофированную и, в известном смысле, надклассовую роль государства как инициатора и главного актора модернизационных преобразований.

Ключевые слова: абсолютизм; реформа; государство; модернизация; Петр I; Россия.

В имперскую эпоху своей истории – с начала XVIII до начала XX в. – Россия пережила несколько масштабных волн модернизации, отличавшихся разной степенью интенсивности и глубины и в далеко не одинаковой мере затронувших отдельные части ее общественного организма. В рамках имперской эпохи можно выделить ряд *общих черт*, присущих всей траектории российских модернизаций, и среди них – безусловно, определяющий их общий ориентир, – равнение на самую передовую и постоянно сохранявшую это лидерство европейскую «современность». В целом европейскую, или западную, цивилизацию, воспринимаемую как последнее слово *общественного прогресса*, отличали динамичный рост индустриальной экономики и свободного рынка, научно-технологический рационализм, профессионализация, развитие структур гражданского общества, эмансипация личности и формирование политической культуры либерализма. Очевидно, что не все эти системно связанные компоненты образцовых европейских обществ с одинаковой степенью внимания воспринимались, а тем более копировались, российскими модернизациями как необходимое условие прогресса. Социокультурный источник европейского прогресса для России всегда представлял такую же тайну, какую для Запада представляла сама Россия, и во все времена оставался непостижимой и невоспроизводимой в процессе российских модернизаций субстанцией [3, с. 16]. На этом основании можно говорить о том, что в модели российской имперской модернизации отношение к европейскому прогрессу всегда было вполне типичным для стран «полупериферии» – политически самостоятель-

* **Константин Иванович Зубков**, канд. ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург).

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 14-18-01625 «Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение».

ных, уже затронутых его притягательным влиянием, но существенно отставших в общем развитии. В таких странах – по крайней мере, на начальных этапах – попытки модернизации инициировались чисто прагматическими интересами правящих элит, а поэтому копировали в первую очередь ресурсно-силовые и технические параметры европейской «современности», т. е. то, что было в высшей степени важно с точки зрения первичного инстинкта любого государства – его безопасности и выживания. Такие преобразования – тем более осуществляемые в ускоренном, форсированном режиме – достигались жесткой мобилизацией материальных и социальных ресурсов, монопольным распорядителем которых выступало имперское государство.

В этом взгляде на российские модернизации берет начало хорошо известный тезис о перманентно воспроизводимом «догоняющем» и даже «имитационном» характере модернизации в России. С высоты сегодняшнего состояния этой проблемы можно констатировать довольно широкий и противоречивый разброс точек зрения на этот модельный алгоритм российских модернизаций. Одну полярную крайность выражает давно высказанный тезис о контрпродуктивности гипертрофированной роли государства, которая каждый модернизационный рывок сопровождает воспроизводством мощного механизма торможения активности социальных сил, единственно способных двинуть вперед буржуазное развитие европейского типа (см.: [22]). Этому взгляду противостоит сегодня более глубокий и не такой категорично-негативный подход к оценке роли имперского государства в осуществлении модернизационного процесса. Его симптоматичным выражением является точка зрения Й. Арнасона, который, рассматривая модернизационный опыт Российской империи как структурный прототип советской модели модернизации, подчеркивает, что мобилизационная мощь *государства имперского типа* существенно отличалась от возможностей связанного массой условностей *традиционного* государства. По его мнению, абсолютистская империя, становясь движущей силой изменений, обеспечивала их радикализацию, но при этом сама со временем становилась не противовесом гражданскому обществу, а, напротив, концентрированным и динамичным выражением потенциала его «самотрансформации». Ориентированная на модернизацию империя порождает авторитарный, «структурно деформированный», но довольно динамичный тип развития капитализма, представляющий реальную (по крайней мере, на определенном этапе) альтернативу классическому западному варианту [27, р. 19–20, 73].

Эти противоречивые позиции чаще всего фокусируются на оценке фигуры Петра I и наследия его реформ, которые произвели настоящий *системный переворот*, своего рода «революцию» в условиях русской жизни [29], определив на всю последующую перспективу глубинную философию, социально-институциональный механизм и противоречивую природу модернизационного процесса как *основного содержания* российской истории. В силу этого, как отмечал К. Д. Кавелин, во всех общественных спорах, касающихся определения путей развития России, мысль неизменно отталкивается от оценки реформ Петра, отчего создается устойчивая иллюзия, что «Петр как будто еще жив и находится между нами» [6, с. 174]. Н. Рязановский в своей монографии, анализирующей образ Петра I в контексте развития русской историко-политической мысли, замечает, что для России его реформы имели такое же рубежное значение, какое Реформация – для Германии, Французская революция – для Франции и Американская – для США [35, р. vii].

Можно отметить, по крайней мере, два обстоятельства, которые, действительно, сообщали реформам Петра I характер революционного переворота не только в российской действительности рубежа XVII–XVIII вв., но и в самой парадигме воспроизводства общественной динамики.

Во-первых, это – «революционный» разрыв со всем предшествующим укладом русской жизни и относительная простота (и даже механистичность) подхода, с помощью которого его предстояло преобразовать. Реформы Петра I приняли форму масштабной «европеизации» русской действительности – жестко руководимого властью процесса прямых организационно-технических и культурных заимствований (не всегда оправданных и зачастую формальных) у Европы, копирования и форсированного насаждения на русской почве этих образцов. Причем процесс заимствований велся одновременно по широкому фронту, охватив собой не только военное дело, экономику и государственное управление, но также сферу культуры и быта, науку и образование, религиозную и внешнюю политику. Радикализм произведенного переворота, конечно, не стоит преувеличивать. Его драма сконцентрировалась в основном в восприятии современников; вся же последующая историко-политическая мысль с двух сторон – прошлого и будущего – стремилась вписать реформы Петра в континуум русской жизни. Как отмечал А. М. Панченко, «европеизация» России уже в нескольких поколениях до Петра проникала в толщу старомосковской старины, хотя не выливалась в устойчивую восходящую тенденцию, а представляла собой, скорее, «неоднородное и пестрое наследство» [12, с. 505]. Можно убедительно доказать, что Петром I этому уже обозначившемуся и подспудно идущему процессу был лишь придан *ускоренный и системный характер* осознанного государственного курса. В качестве доказательства объективно назревшего характера петровских реформ отмечается и закрепление их результатов в последовавший за смертью царя-реформатора период, когда опасность возврата к старине вовсе не исключалась и даже заметно проявила себя в некоторой попятной реакции. Однако, как подчеркивал С. М. Соловьев, «новый порядок вещей остался и развился, и мы должны принять знаменитый переворот со всеми его последствиями как необходимо вытекший из условий предшествовавшего положения русского народа» [21, с. 538].

Во-вторых, петровские преобразования несли на себе печать рационально-осмысленного и во многом сугубо персонального *проекта* царя-реформатора: вся громадная масса изменений, определившая резкий поворот в жизни страны, приходится на период правления Петра I и фокусируется исключительно на его выдающейся *личности*. Критическую зависимость побед русского оружия в долгой Северной войне и успехов внутренних преобразований от личности самого Петра и его неустанной и разносторонней деятельности очень хорошо осознавали современники. Когда известный панегирист петровской эпохи Феофан Прокопович воспевал монарха как «[М]ногоочитаго воистинну и многорукаго, или паче многосоставного, и на многия места и дела разделять себя могущаго» [18, с. 288], в этом едва ли содержалось преувеличение. Личность и многогранная деятельность Петра I, как воплощение зарождающегося просветительского идеала свободного «разума», основанного на постижении исторической необходимости и способного возвысить до себя человеческий род лишь конечным сознанием своей правоты и ни с чем не считающимися деспотическими методами, придавали проекту первой российской модернизации отчетливый *радикально-рационалистический*, персоналистский характер. В понятиях своей эпохи, Россия при Петре I никого не «догоняла», но впервые насаждала на русской почве преодолевающую «варварство» *цивилизацию* исключительными усилиями монарха-демиурга. В этом отношении на фоне эпохи Просвещения фигура Петра отнюдь не одинока и сопоставима с личностями прусских монархов (Фридриха Вильгельма I, Фридриха II), подобными же насильственными средствами и глубоко личным стилем управления создавшими из захолустной окраины германских земель сильное военное и в некоторых отношениях образцовое европейское государство (см.: [4, с. 68–69]). Роль личности монарха как основной движущей силы преобразований подчеркивала

узость социальной базы первой российской модернизации. Кроме ближайшего окружения царя, подавляющая часть правящей элиты была вполне равнодушна или находилась в скрытой оппозиции к его реформам – факт, как показал американский историк П. Бушкович, до известной степени обнаружившийся в ходе дела царевича Алексея (1716–1718 гг.) [28, р. 339–382]. Характерный для первой трети XVIII в. лейтмотив полемической литературы (А. А. Матвеев, Ф. Прокопович, П. П. Шафиров, В. Н. Татищев), доказывающий нелегитимность сопротивления подданных воле монарха, косвенно свидетельствует о существовавших в русском обществе напряжениях, вызванных реформами Петра [31, р. 117].

С этой точки зрения успех реформ Петра Великого в малоподготовленном для них, косном и инертном социуме представляет определенную загадку. Единственно приемлемое ее объяснение заключается в том, что личный замысел Петра обрел необходимую силу в использовании всей институциональной мощи *абсолютистского государства*. Абсолютизм – это, пожалуй, единственный, но всеохватный компонент преобразований, который в России, развившись на самобытной основе, технически ничем не уступал европейским аналогам этой политической формы и сходствовал с ними по форме организации власти, а по эффективности, возможно, и превосходил их. Если в Европе абсолютизм развивался через трудное преодоление *феодалного партикуляризма*, то в России к этому же времени он органично вырос из *патримониальной* самодержавной монархии. В силу этого абсолютизм, по сути, стал синхронизирующей «осью» взаимодействия России и Европы, а в этом качестве – главным инструментом модернизации. В ходе петровских преобразований самобытная русская форма абсолютизма, конечно, подверглась основательной *бюрократической рационализации* по европейским образцам, но эта перестройка государственного здания не затронула его глубоко традиционного, но остававшегося системообразующим элемента – неограниченной власти самодержца.

Сегодня социальные науки уже отходят от сформированного марксизмом взгляда на абсолютизм как переходную политическую форму от феодализма к капитализму, смысл которой заключался в обеспечении *политического равновесия* между исторически нисходящими (дворянство) и восходящими (буржуазия) классами. В свое время Й. Шумпетер проницательно заметил, что абсолютизм возник благодаря тому, что политический фактор (развитие государства), который до этого был просто слепком экономических отношений, обрел на определенном этапе эволюции относительную *самостоятельность* и совершенно *новое качество высокотехнического контроля* над обществом, перехватывая у экономики ведущую роль в историческом формообразовании (что отразилось и в самосознании эпохи). Абсолютизм не только поддерживал «равновесие» классов, но и формировал своей активной политикой целый ряд *симбиотических социальных эффектов* (в том числе и между априорно противостоящими друг другу классами), например между нарождающейся буржуазией и военной опорой государства – дворянством [26, с. 183]. Подчеркивая значение абсолютизма, Карл Шмитт в своей книге, посвященной Гоббсову «Левиафану», отмечал, что в Европе раннего Нового времени самой значительной, захватившей умы идейной революцией с далеко идущими социальными последствиями стало именно утверждение рационалистической концепции «абсолютного» государства как «технически совершенного *magnum artificium*, машины, которая находит свое “право” и свою “истину” только в себе самой, в своей функции и ее результатах» и отличается сочетанием «высшей техничности и высшего авторитета» [24, с. 172–173].

При всем единстве или схожести политических форм и социальных практик, абсолютизм в Европе и России выражал, однако, разное *социально-историческое содержание*. По мнению Й. Шумпетера, в Западной Европе уже нарождающийся

капитализм сталкивался с обществом «необычайно сильной социальной структуры» – феодализмом, и изживавший себя феодализм не обязательно открывал дорогу капитализму, поскольку у власти еще долгое время оставались «вооруженные классы, управляющие феодальным обществом», которым удавалось «присваивать большую часть нового буржуазного богатства». Западноевропейский абсолютизм – это своеобразный «*феодализм на капиталистической основе*», «военно-аристократическое общество, кормившееся за счет капитализма, своего рода симбиоз», применительно к которому пока еще нельзя говорить ни о контроле со стороны буржуазии, ни о значительном увеличении ее общественного веса [26, с. 183]. Используя шумпетеровскую методологию, мы могли бы с таким же основанием заявить, что российский абсолютизм представлял собой несколько иное, стадийно *более отсталое* соотношение социальных элементов и ставил перед собой совсем иные исторические задачи. Его сущностью, скорее, могла бы быть формула «*капитализм на феодальной основе*» (при всей условности наличия феодализма в России), т. е. воспроизводство элементов западного капитализма за счет ресурсов традиционного общества. Попытаемся доказать применимость этой формулы углубленным анализом содержания петровских реформ.

Стремление создать опору своим реформам прежде всего в лице образованного дворянства как главного источника кадров для военной и государственной службы, проводника замыслов и планов монарха, определило общую линию политики Петра I на унификацию дворянского землевладения (слияние вотчины и поместья, фамилизация земельных владений), привилегий и обязанностей разных категорий дворянского сословия – с введением одновременно новой регламентации для военной или гражданской службы дворян. Меры по введению обязательного начального обучения дворянской молодежи, посылка ее для обучения за границей, установление порядка отбывания военной службы дворян-офицеров в новой всесословной армии, устройство дворянских смотров, преследования «нетчиков», избегающих службы, – всё это закрепляло привилегированный статус дворянства, культурно отрывая его от народной массы и сообщая ему известное моральное превосходство над другими сословиями, но одновременно обременяло его, против прежнего положения, гораздо более тяжелой обязательной службой государству. Указ о единонаследии 23 марта 1714 г. – одна из самых противоречивых мер Петра, – одновременно решая задачи сохранения дворянского землевладения от дроблений, разделял дворянское сословие на держателей имений и безземельных искателей службы, но и в том и в другом случае это делалось в видах превращения дворянства в массовый кадровый резерв для различных видов государственной службы. Хотя В. О. Ключевский находил в дворянской политике Петра мало подлинно нового, усматривая в ней лишь приспособление старых отношений «к новым государственным потребностям» [7, с. 65–82], трансформация положения дворянства – по крайней мере, в замыслах Петра – определенным образом «демократизировала» его отношения с другими частями общества на общем поприще служения государству, находя для него полезную функцию. Нельзя в этом контексте обойти вниманием и другое нововведение последних лет петровского правления – известную Табель о рангах от 24 января 1722 г., которая, наряду с более ранним указом от 16 января 1721 г., решительно ставила принцип заслуг на службе государству впереди родовитости, автоматически открывая доступ в потомственное дворянство представителям других сословий, достигшим определенного служебного ранга [Там же, с. 76]. Д. Ливен высоко оценивает петровскую Табель о рангах, отмечая не только созданный ею канал социальной мобильности и известной «демократизации» дворянского сословия, но и уникальность самого института пожизненной государственной службы дворянства и для Запада, и для России во все другие периоды истории. Хотя этот принцип

ненадолго пережил Петра, этика службы государству довольно прочно закрепилась в традициях российского дворянства. Однако, по мнению Ливена, реформы Петра странным образом отразились на судьбе дворянства как общественного сословия: в силу его возросшей гетерогенности с точки зрения богатства, культуры, экономических интересов, профессиональных призваний, они не превратили его в единый класс, но и не сделали его правящей элитой – прежде всего, в силу тотальной подчиненности государству и отсутствия самостоятельных политических институтов, которые бы позволяли ему контролировать государственную машину и эффективно отстаивать свои интересы [33, р. 228–229]. Это говорит о том, что модернизационная стратегия Петра I выходила за рамки т.н. «феодальной» модернизации – стремления увековечить привилегированный статус дворянства в государстве, и если она, в силу компромисса с традицией, прочно связала его с государством, то на первом месте в этой связке Петр, определенно, ставил интересы государства.

Похожая политика проводилась в отношении других традиционных сословий, которым Петр последовательно стремился придать *новое социальное качество*, усиливая их функциональную «полезность» в общей системе абсолютистского государства и своей преобразовательной деятельности. Это выразилось в стремлении Петра определить для каждого сословия ту или иную четкую служебную или податную функцию, в его ненависти к паразитизму духовенства, попытках искоренения всякого «нерегулярного», гулящего элемента (который в значительной степени поглотила новая петровская армия), в насаждении новых принципов и форм деятельности для купечества и ремесленников. Абсолютизм Петра, действуя по определенному рационалистическому шаблону, закреплял сословную систему, придав ей большую четкость и агрегированность, но свести социальную политику царя-реформатора только к этому невозможно. И. В. Волкова отмечает целый ряд порожденных петровскими реформами (прежде всего, военной) социальных эффектов, которые не столько укрепляли перегородки внутри сословной системы, сколько «раскачивали» ее, сообщая сословиям новые социальные качества и усиливая взаимодействие между ними. Это – формирование новых социальных институтов, выступавших в роли мощных интеграторов общества (бессословная армия), меритократический принцип социальной мобильности с соответствующими новыми системами внесословных иерархий (государственная служба, армия), множившиеся каналы взаимодействия между армией и гражданской частью общества, новый социальный опыт, который выходившее из замкнутости общинных мирков крестьянство приобретало через выполнение разнообразных государственных повинностей (включая навыки коммерческой сметки, которые в дальнейшем породили массовое отходничество и крестьянское предпринимательство) (см.: [1]). В этом отношении стратегия преобразований Петра I воспроизводила уже не вполне традиционную, но, скорее, *постфеодальную* социальную структуру общества, способную более гибко адаптироваться к новым историческим задачам. По существу, Петр I проводил социальную политику, следуя той логике общественных преобразований, которую французский историк П. Шонно рассматривал как типичную для абсолютизма: от политики – к трансформации социальной структуры, от изменения социальной структуры – к экономическим изменениям [25, с. 403–404]. С этой точки зрения абсолютизм – это своего рода *подготовительная* фаза перехода к капитализму, связанная не с капиталистической экономикой как таковой, а с «настройкой» и приспособлением *постфеодальной социальной структуры* общества к новым историческим задачам.

Опора петровской стратегии модернизации на прогрессивный зарубежный опыт обусловила проведение *политики привлечения на русскую службу иностранцев*. Эта практика прочно утвердилась в России еще в XVII в. Сама про-

грамма преобразований Петра во многом складывалась под влиянием иностранцев, смолоду составлявших его ближайшее окружение (Ф. Лефорт, П. Гордон, Я. Брюс и др.). Массовый характер приглашение иностранцев, как носителей научных знаний, военного и производственного опыта, приняло уже в ходе Великого посольства 1697–1698 гг., когда царь и сам, и через своих агентов нанял за границей сотни мастеров и ремесленников. С началом Северной войны эта практика была расширена, в чем важную роль сыграл манифест «О вызове иностранцев в Россию...» от 16 апреля 1702 г., которым на русскую службу привлекались, прежде всего, иностранные военные специалисты «купно с прочими государству полезными художниками», с предоставлением им определенных привилегий и иммунитетов (свобода отправления культа, подсудность специально создаваемой «иноземной» коллегии и т. п.) [15, с. 192–193]. При этом все историки согласно отмечали, что в замыслах Петра приглашение иностранцев, как и посылка русских людей для обучения за границей, должно было стать *массовой школой* для обучения собственных, русских кадров, в связи с чем каждому иностранному специалисту вменялось обучать приставленных к нему русских людей «без всякой скрытности и прилежно» [7, с. 102].

Сложнее с определенностью ответить на вопрос о том, на сколь далекую перспективу мыслил Петр I прохождение Россией этого периода «ученичества» у Запада. Ряд историков утверждает, что для Петра использование иностранных специалистов служило лишь *временным* «средством ликвидации отсталости России путем подготовки и обучения национальных кадров» [9, с. 468] и что отношение его к Западу было подчеркнуто прагматичным и в меру критичным. Об этом свидетельствует, в частности, то, что победоносное завершение Северной войны Петр расценил и как стратегический выигрыш на попроще усвоения западной науки и опыта у той же самой Европы, которая Россию стремилась «не допускать до света разума во всех делах» [23, с. 56]. Однако не всё в этом вопросе выглядит так однозначно. Разворот России к европейскому просвещению Петр I стремился закрепить и геополитически, о чем свидетельствует присоединение к России в ходе Северной войны первой крупной инонациональной территории – Остзейского края (1710 г.). Необычайно внимательное, почти предупредительное, отношение Петра к сохранению имущества, привилегий и законодательных обычаев местного «рыцарства» ясно выдавали его стремление инкорпорировать *навечно* в тело России «западнический» культурный образец, используя балтийских немцев как источник кадров способных, вышколенных, пунктуальных администраторов, знающих европейские методы ведения дел и в значительной массе прошедших обучение в европейских университетах [32, с. 55].

Петровская модернизация по последовательности преобразований и формам своей реализации в целом подпадает под модель т. н. «военных революций», типичных и для других стран европейской «полупериферии» XVII–XVIII вв. (Швеция, Пруссия, отчасти Османская империя). В этом случае иницирующим импульсом модернизации становилась внешняя необходимость – стремление стран «полупериферии» не отстать от ведущих западноевропейских «центров силы», прежде всего – в наращивании военных возможностей и вопросах развития военных технологий. По справедливой оценке Х.-Х. Нольте, «армия в полупериферийных странах превратилась в своеобразного проводника модернизации» [10, с. 19]. Военный характер модернизации до известной степени уравнивал в модернизируемых странах (включая Россию) появление ростков новой – индустриальной – экономики и политическое восхождение абсолютизма, а в ряде случаев делал их органично дополняющими друг друга компонентами модернизационной модели развития. Для Петра I, проводившего преобразование под непосредственным давлением военных обстоятельств (Северная война 1700–1721 гг.), вся

их программа диктовалась преимущественно логикой решения военных проблем и вела свой отсчет от его военной реформы.

В чем выразила себя «военная революция» в условиях России? Во-первых, военные обстоятельства в сильнейшей степени повлияли на *характер экономической модернизации* России в эпоху Петра I, дав мощный толчок развитию военного производства – первого сектора экономики, в котором ошутимее всего проявились усилия по созданию крупного промышленного производства, а затем последовательно распространяя этот эффект на смежные отрасли, вовлеченные в снабжение вооруженных сил. Необходимость форсированного развития военной промышленности до крайности сужала иные возможности создания предприятий, кроме как использование средств казны. Большинство крупных предприятий, созданных в России в конце XVII – первой четверти XVIII в., производили продукцию, так или иначе связанную с военными потребностями государства (железо, вооружение, военное снаряжение) [17, с. 21]. По данным В. В. Мавродина, промышленные предприятия «военного назначения» составляли в этот период 51 % всех вновь созданных предприятий, а об особой заинтересованности государства в таком развитии говорит тот факт, что 43 % всех предприятий были созданы на средства казны [8, с. 99]. Кроме того, модернизация военно-экономической сферы, осуществляемая в условиях затяжной Северной войны, не могла не усиливать в политике государства *экстенсивные методы* наращивания военного потенциала, что предполагало не только военно-захватные методы овладения наиболее ценными видами ресурсов, но и *расширение территориальных ресурсных баз* внутри страны. Об этом красноречиво свидетельствует оценка военно-экономических возможностей России, изложенная в донесении резидента венского двора О.-А. Плейера от 1710 г.: «Железо у царя теперь из Сибири, и такое хорошее и мягкое, что даже и шведского не отыщешь лучше; дубового и другого крепкого леса с излишком, потому что рубить его запрещено под строжайшим наказанием, кроме как для царского употребления; серы и селитры вдоволь у них из Украины; для бомб и гранат ни в каком месте нечего и желать лучше железа тульского и из Олонца при Онежском озере по его твердости и хрупкости, потому что при разрыве оно рассыпается на множество кусков; металла для литья пушек и мортир навезено из Польши, Ливонии, Финляндии и Литвы <...> Все воинское платье у царя теперь из своей собственной земли...» [13, с. 399]. Именно порожденная войной тенденция к *экономической автаркии* стала мощным стимулом для создания базовых для военного сектора промышленных производств. Ряд исследователей зарождение *русской промышленной политики* прямо связывают с обнаружившейся еще в XVII в. потребностью русских властей компенсировать угрозу блокирования враждебными державами военного импорта (железо, оружие и т. п.) созданием соответствующих предприятий, в том числе через «локализацию» привлекаемых иностранных капиталов (семейства Акема, Марселисов, Винуисов) [30, р. 172–173]. В правление Петра эта линия государственной политики осуществлялась еще более последовательно, но уже с преимущественной опорой на казенные предприятия.

Во-вторых, колоссальный рост расходов на создание армии и флота, возросшие затраты на различные казенные предприятия и нужды, изъятие на службу огромных масс податного населения обострили в правление Петра проблему государственных финансов и потребовали экстраординарных мер *финансовой мобилизации*. Мобилизационный характер, предполагающий широчайшую разверстку финансовой нагрузки на *всё общество* в целом (включая иногда и неподатные сословия), носили уже первые преобразования Петра I – например, принудительная повинность светских и духовных землевладельцев финансово участвовать в «кумпанствах» по строительству кораблей Азовского флота в 1696–1697 гг. В го-

ды Северной войны изыскание средств пополнения государственных доходов первоначально характеризовалось довольно хаотичным, бессистемным увеличением размера податей, введением экстренных налогов (прямых и косвенных) и повинностей (посошная, подводная, постоянная и др.), предназначенных к покрытию возникавших статей расходов, изобретением новых бесчисленных сборов, которые с 1704 г., по образному выражению В. О. Ключевского, «как из худого решета посыпались на головы русских плательщиков» [7, с. 119]. Использовались и другие статьи доходов, в частности изъятие государством доходов монастырских вотчин, казенные монополии на продажу товаров широкого спроса, инфляция, осуществляемая понижением содержания серебра в монете, уменьшением ее веса. Не подлежит, однако, сомнению, что система государственных финансов при Петре стремительно эволюционировала к построению *единого государственного бюджета*, попыток если не строгой калькуляции, то, во всяком случае, сбалансирования общих расходов и доходов государства. Введение подушной подати (1718 г.), заменившей подворное обложение и исчисляемой общей раскладкой расходов на подлежащее учету податное население, можно считать кульминацией этой политики. Увеличение налоговых поступлений, достигаемое резким усилением фискального гнета при одновременной тенденции к унификации разных категорий податного населения, происходило, однако, в русле усиления общей политики закрепощения – распространением крепостной зависимости на те категории населения, которые ранее считались свободными (гулящие люди, отпускные холопы), включением в сферу феодальной эксплуатации государственного крестьянства, введением паспортной системы, затруднявшей формирование рынка свободной рабочей силы [11, с. 604–605]. В. О. Ключевский, подвергая беспощадной критике подушную реформу Петра, подметил, возможно, главный ее стратегический промах, состоявший в том, что она, подгоняя под «одну схематическую, канцелярски составленную мерку возникшие из жизни разнообразные местные и классовые уровни налогообеспособности» и производя «крайнее изнурение народного труда», никак не соотносилась с попытками стимулировать народнохозяйственный оборот, с поощрением торговли и промышленности, т. е., говоря современным языком, с перспективой прогресса налогооблагаемой базы [7, с. 131, 133]. Иначе говоря, решение Петром целого круга *новых* модернизационных задач, как справедливо отмечал Н. И. Павленко, достигалось ужесточением общего режима крепостничества [11, с. 605], т. е. беспощадной фискальной эксплуатацией социальных сил *традиционного* общества.

В экономической сфере стратегия петровской модернизации фокусировалась на всемерном поощрении развития ее наиболее прогрессивного сектора – *торговли и промышленности*, оставляя почти без внимания аграрные отношения. Хотя форсированное формирование промышленного сектора во многом диктовалось нуждами войны, нет сомнения, что стратегические замыслы Петра, касающиеся этой сферы, выходили за рамки текущих потребностей. Представления царя-реформатора об условиях богатства и процветания государства складывались под влиянием господствовавшей тогда на Западе экономической философии *меркантилизма*, которая полагала решающим фактором накопления сферу торговли (и лишь во вторую очередь производство), а основой богатства государства – активный внешнеторговый баланс [5, с. 24]. Однако на русской почве меркантилизм приобретал известное своеобразие, став, фактически, со времен Петра прологом к формированию *государственной промышленной политики*.

Следуя примеру передовых стран Западной Европы, Петр I стремился поднять значение торговли и промышленности в жизни государства, привлечь внимание разнородных социальных акторов (в том числе дворянства) к коммерческой деятельности, разработке природных богатств страны, созданию новых производств,

что отвечало как задаче сокращения ввоза определенных групп товаров из-за границы, так и выходу русской торговли на международные рынки. Первые меры Петра к поощрению активности русского купечества (как и преодолению критической для русской торговли проблемы недостатка крупных капиталов) свелись к попытке внедрить в его среду типичные для развитых стран Европы формы коммерческих партнерств (указ от 27 октября 1699 г.) [14, с. 653–654] – в основном в форме сбытовых картелей («кумпанств»), до этого имевших в России только слабые ростки. Однако инертность и косность русского торгового капитала не позволили этому начинанию утвердиться, и в дальнейшем казна решительно берет в свои руки и крупную международную торговлю (в том числе заготовку экспортных товаров), и в значительной мере становящуюся на ноги промышленность. Неудачей закончились и меры по поощрению самоорганизации торгово-ремесленного сословия городов (выборные городские магистраты, цеховое устройство ремесла), что объяснялось тяжестью податей и бесплатных казенных служб, которые вынуждено было нести городское население [19, с. 236]. Гораздо более результативными, определившими магистральную линию торгово-промышленной политики стали меры, использовавшие два основных рычага воздействия на зарождающийся в России предпринимательский капитал – льготы и принуждение [7, с. 106]. Освобождение от казенных и городских служб, беспошлинная продажа и покупка товаров, безвозвратные субсидии и беспроцентные ссуды, протекционистские тарифы и другие льготы частным предпринимателям, заводящим собственные промышленные предприятия, формировали «громоздкую искусственную структуру» опеки (прежде всего, в лице Берг- и Мануфактур-коллегии) над зарождающейся русской промышленностью, сочетавшую средства ее поддержки и контроля [34, р. 122]. Необходимость решения к выгоде предпринимателей критической для России проблемы нехватки свободных рабочих рук вылилось в создание оригинальных форм соединения частного промышленного предприятия с принудительным трудом, что нашло отражение в разрешении купцам приобретать на условиях вечного прикрепления к заводам крепостных крестьян (указ от 18 января 1721 г.) [16, с. 311–312], а также в расширении практики приписки государственных крестьян к выполнению заводских работ (особенно на горных заводах Урала и Сибири) [20, с. 300–304]. Одновременно в стратегически важных отраслях промышленности, как отмечено выше, стремительно расширялись позиции казенного сектора, формирование которого, в силу контроля государства над основными факторами производства, представляло наименьшие сложности.

Характеристика промышленной политики Петра будет неполной без учета такого важного фактора преимуществ, как богатые природные ресурсы, что позволяло власти в полной мере задействовать *экстенсивный* путь роста промышленности. Создание новых горнопромышленных центров на Урале (где при жизни Петра I было построено 23 завода) [2, с. 86] и в Сибири (Алтай, Нерчинск) порывало с прежней практикой аграрно-промысловой колонизации и означало форсированный перенос на периферию передовых на то время основ производства и культуры. За счет естественных факторов продуктивности (богатые запасы руды, лесов, водной энергии) в новых центрах удавалось организовать производство в крупнозаводском технологическом масштабе, результатом чего было существенное (на Урале в 2–2,5 раза) снижение себестоимости продукции металлургии и высокие темпы ее прироста. Это, в свою очередь, открыло путь русскому железу на международные рынки, обеспечив России временное мировое лидерство в этой отрасли производства.

Учитывая сложную, многокомпонентную природу капиталистического уклада, можно констатировать, что петровские реформы, безусловно, усиленно насаж-

дали его определенные элементы, прежде всего в виде отделения производства от домашнего хозяйства, рациональной организации крупнопромышленного производства. Однако для превращения капитализма в целостную систему в условиях России недоставало его главных социальных элементов – лежащей в основе частного предпринимательства мотивации к строгому соотношению затрат и результатов, свободного труда на контрактной основе. Эти недостатки абсолютистское государство компенсировало за счет ресурсов традиционного общества, страхуя зарождающийся русский частный капитал и щедрыми субсидиями, и резервами подневольного труда в такой степени, что русское общество и в XIX в. смотрело на капитализм как на нечто формальное и нежизненное, как на искусственное явление, возвращаемое правительством. Через призму такой оценки возможно более определенно, избегая односторонних и прямолинейных оценок, судить о том, в какой степени петровские реформы могут считаться «буржуазными», а в какой – отклоняющимися от магистральной капиталистической эволюции. Однако эти вопросы становятся вполне вторичными перед главным социологическим итогом петровских преобразований – тем, что они на длительную перспективу заложили в цивилизационную модель развития России гипертрофированную и самодовлеющую роль государства как инициатора и главного актора модернизационных сдвигов, способного, в соответствии с собственными целями, структурировать социальный агрегат общества и определять социально-институциональный дизайн преобразований.

Литература

1. Волкова И. В. Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. – 2006. – № 3. – С. 35–52.
2. Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв. : Избранные труды. – Екатеринбург : УрО РАН, 2005. – 616 с.
3. Зубков К. И. Модернизация, либерализм и русская консервативная мысль // Уральский исторический вестник. – 1995. – № 2. – С. 15–26.
4. Зубков К. И. Петровская модернизация как рецепция рационализма (методологический анализ) // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации : сб. науч. ст. – Екатеринбург : УрО РАН : УрГИ, 1998. – С. 64–77.
5. Зубков К. И. У истоков промышленной политики России: меркантилизм и экспансия // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. : материалы Международной научной конференции, посвященной 350-летию Н. Д. Антуфьева-Демидова. – Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2006. – С. 22–30.
6. Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М. : Правда, 1989. – 654 с.
7. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. – Т. 4 : Курс русской истории. – Ч. 4. – М. : Мысль, 1989. – 398 [1] с.
8. Мавродин В. В. Основание Петербурга. – 2-е изд. – Л. : Лениздат, 1983. – 208 с.
9. Молчанов Н. Н. Петр I. – М. : Эксмо, 2003. – 480 с.
10. Нольте Х.-Х. Европа в мировом сообществе (до XX в.) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 1993. – М. : Наука, 1993. – С. 9–28.
11. Павленко Н. И. Петр Великий. – М. : Мысль, 1998. – 736 с.
12. Панченко А. М. Начало петровской реформы: идейная подоплека // Из истории русской культуры. – Т. III (XVII – начало XVIII века). – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 503–518.
13. Плейер О.-А. О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году // Лавры Полтавы. – М. : Фонд Сергея Дубова, 2001. – С. 397–413.
14. Полное собрание законов Российской империи. – Т. III : 1689–1699. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 694 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. – Т. IV : 1700–1712. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 890 с.

16. Полное собрание законов Российской империи. – Т. VI : 1720–1722. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 817 с.
17. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М. : РОССПЭН, 1997. – 344 с.
18. Прокопович Ф. Слово на похвалу блаженных и вечнодостоинных памяти Петра Великого // Панегирическая литература петровского времени / под ред. О. А. Державиной. – М. : Наука, 1979. – С. 283–300.
19. Пушкирев С. Г. Обзор русской истории. – М. : Наука, 1991. – 390 с.
20. Семейский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II : в 2 т. – Т. II. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. – xlvii, 866 с.
21. Соловьев С. М. Сочинения. – Кн. IX : История России с древнейших времен. – Т. 17–18. – М. : Мысль, 1993. – 671 с.
22. Спундэ А. П. Очерк истории русской буржуазии // Наука и жизнь. – 1988. – № 1. – С. 76–82.
23. Судьбы реформ и реформаторов в России : учеб. пособие / под ред. Р. Г. Пихои и П. Т. Тимофеева. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – 374 с.
24. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д. В. Кузницына. – СПб. : Владимир Даль, 2006. – 300 с.
25. Шоню П. Цивилизация Просвещения. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : АСТ, 2008. – 688 с.
26. Шумпетер Й. А. История экономического анализа : в 3 т. – Т. 1. / пер. с англ. В. С. Автономова. – СПб. : Ин-т «Экономическая школа» : Санкт-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов : Гос. ун-т – Высш. шк. эк-ки, 2004. – lvi, 496 с.
27. Arnason J. P. The Future That Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model. – L. : Routledge, 1993. – xi, 239 pp.
28. Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – xii, 485 pp.
29. Cracraft J. The Revolution of Peter the Great. – Cambridge, Mass. ; L. : Harvard University Press, 2003. – ix, 192 pp.
30. Fuhrmann J. T. The Origins of Capitalism in Russia: Industry and Progress in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. – Chicago : Quadrangle Books, 1972. – xv, 376 pp.
31. Hamburg G. M. Russian political thought, 1700–1917 // The Cambridge History of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917 / Ed. by D. Lieven. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – P. 116–144.
32. Kasekamp A. A History of the Baltic States. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2010. – xi, 251 pp.
33. Lieven D. The elites // The Cambridge History of Russia. – Vol. II : Imperial Russia, 1689–1917 / Ed. by D. Lieven. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – P. 227–244.
34. Mavor J. An Economic History of Russia. – Vol. I. – N.Y. : Russell & Russell Inc., 1965. – xxxv, 614 pp.
35. Riasanovsky N. V. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. – N.Y. ; Oxford : Oxford University Press, 1985. – xi, 331 pp.

Konstantin Ivanovich Zubkov,

Candidate of History, Associate Professor, the Leading Researcher
of the Institute of History & Archaeology, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)

Absolutism and Modernization:

**On the Evaluation of the Peter the Great's Reforms
of the Early 18th Century**

The article analyzes the contents and social meaning of Peter I's reforms implemented in the first quarter of the 18th century that became the first large-scale attempt to modernize Russia. The success of the Petrine reforms, apart from the energy and will of the tsar-reformer, was determined by the institutional power of the absolutist state which appeared to be capable to override and make the social aggregate of the traditional Russian society structured in accordance with its purposes. In that sense, it is necessary to consider the absolutism as a standalone phase in the course of the world history characterized by the dramatic increase in the state's political activity in transforming both the economy and society. In Russia the formation of absolutism developed universally having been accelerated by the patrimonial type of the traditional Russian statehood. In contrast to the Western Europe where the absolutist state's superstructure had already been significantly underlaid with the capitalist base, Russia had shown during the Peter I's reforms a certain inversion of the pattern of social transformations – the fact which expressed itself in the attempt to reproduce the achievements of the Western capitalism entirely on the basis of traditional society's resources. This objectively secured a hypertrophied and, in certain sense, above-class role of the state as initiator and chief actor of the modernizing reforms for the long historical perspective.

Key words: absolutism; reform; state; modernization; Peter I; Russia.